

Муллагалиев Наркиз Камилевич

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ CAN, MAY, MUST, WILL/SHALL ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

В предлагаемой работе рассматриваются особенности сохранения модальных значений глаголов can, may, must, will/shall при переводе англо-американских художественных произведений на татарский язык. При этом учитываются основные тенденции перевода модальных глаголов в рамках существующих переводов и предлагаются альтернативные пути трансформации модальных значений с использованием лексических, морфологических, грамматических и стилистических композиций татарского языка. В процессе перехода с оригинального языка на татарский учитываются культурно-нравственные, этнические и региональные основополагающие художественного перевода. Таким образом, статья опирается не только на фактологический материал, но также предполагает использование методов сравнительно-сопоставительного языкознания, типологии, теории и практики перевода, культурологии. Обширный взгляд на понятие "модальность", использование неординарных методов анализа художественного произведения позволяют выходить за рамки устоявшихся определений и расширить поле модальности художественного текста. Работа также обозначает проблему художественного перевода с английского на татарский язык и определяет пути развития дальнейших исследований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 142-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**ON SOME PECULIARITIES OF TERMS OF KINSHIP
AND IN-LAW RELATIONS IN DIALECTS OF THE KHAKASS LANGUAGE**

Medvedeva Marina Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Katanov Khakass State University, Abakan
marina_medvedeva_71@mail.ru

The article examines the terms of kinship and in-law relations in the dialects of the Khakass language. The objective of the study is to analyze these terms on the phonetic and lexical levels. The author comes to the conclusion that different phonetic design of certain terms of kinship and in-law relations does not indicate a semantic difference of these words. In the modern Khakass language and its dialects lexically independent terms of kinship and in-law relations coexist. Lexico-semantic dialectisms are often encountered.

Key words and phrases: Khakas language; kinship terms; terms of in-law relations; Sagai dialect; Kachin dialect; Shor dialect; Kyzyl dialect.

УДК 81-115

В предлагаемой работе рассматриваются особенности сохранения модальных значений глаголов can, may, must, will/shall при переводе англо-американских художественных произведений на татарский язык. При этом учитываются основные тенденции перевода модальных глаголов в рамках существующих переводов и предлагаются альтернативные пути трансформации модальных значений с использованием лексических, морфологических, грамматических и стилистических композиций татарского языка. В процессе перехода с оригинального языка на татарский учитываются культурно-нравственные, этнические и региональные основополагающие художественного перевода. Таким образом, статья опирается не только на фактологический материал, но также предполагает использование методов сравнительно-сопоставительного языкознания, типологии, теории и практики перевода, культурологии. Обширный взгляд на понятие «модальность», использование неординарных методов анализа художественного произведения позволяют выходить за рамки устоявшихся определений и расширить поле модальности художественного текста. Работа также обозначает проблему художественного перевода с английского на татарский язык и определяет пути развития дальнейших исследований.

Ключевые слова и фразы: лингвистика; сравнительно-сопоставительное языкознание; модальные слова; can; may; must; will; shall; теория и практика перевода; татарский язык.

Муллагалиев Наркиз Камилевич, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
narkizmoullagaliev@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ CAN, MAY, MUST, WILL/SHALL
ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК**

В современном языкознании все чаще поднимается вопрос сравнительно-сопоставительного изучения языков, где учитываются не только лингвистические, но также и культурно-нравственные ценности носителей изучаемых языков. Многие аспекты рассматриваются как целостные, функционально-семантические категории, при этом учитывается широкий спектр лингвистических явлений – морфология, грамматика, семантика, модальности речи и т.д. Таким образом, мы можем утверждать, что современная лингвистика предполагает структурный и детальный подход ко многим изучаемым вопросам. Данная необходимость, прежде всего, вызвана мировыми научными стандартами, где больший интерес вызывают работы, выполненные на стыке дисциплин: лингвистики, философии, психологии, теории и практики перевода, – так как они имеют не только теоретическую, но и практическую значимость. Например, сравнительно-сопоставительное изучение неродственных языков с учетом принципов и методов теории и практики перевода позволяет получать неопосредованные, более точные переводы художественных произведений. Актуальность данного исследования вызвана современными процессами международной интеграции и межкультурного взаимодействия, что подразумевает единение различных национальностей и слияние заведомо далеких друг от друга духовных и нравственных ценностей, национальных идей. Политическая арена современности также показывает необходимость совершенствования идеологических взглядов, развития умений ведения диалога для грамотного обогащения политического дискурса стран. Так как для того, чтобы вести диалог, прежде всего необходимо понимать собеседника, строить взаимоотношения на тех принципах, которые не чужды политикам обеих стран. Внести свой вклад в построение правильно оформленного мироощущения и миропонимания могут непосредственные, максимально точные в плане грамматики и семантики переводы художественных произведений, которые без искажений передают национальную идею, культурно-нравственные ценности, миропонимание,

быт и экспрессивную составляющую, заложенные в оригинальное произведение. Мы все понимаем, что наше представление о стране, о национальности складывается, прежде всего, после прочтения художественных произведений, газетных статей, просмотра художественных фильмов, спектаклей, выступлений политиков и т.д. Очень часто мы получаем информацию, прочитав переработанную статью или новостную ссылку, так называемый «рендеринг», ознакомившись с переводом или интерпретацией книги, адаптированной для определенной национальности. Данный факт показывает, что вся ответственность, связанная с политическими взаимоотношениями между странами, с установлением мировоззрения об определенной стране, ложится на переводчиков, на их умение лаконично, точно и правдиво отражать оригинальную идею [14, с. 5].

В мировом пространстве, где Российская Федерация выступает в качестве ключевой фигуры и регулирует многочисленные политические конфликты, участвует в установлении мирового порядка, ведет международные переговоры и является гарантом выполнения договоренностей, возрастает потребность в получении качественной, непосредственной, фактической информации, возникает необходимость воспитания личности, умеющей анализировать события мирового масштаба. В процесс интеграции в международное общество вовлекаются и отдельные субъекты, которые, в свою очередь, могут сильно отличаться в культурно-нравственном и бытовом плане, выступая при этом частью огромного государства. Например, Республика Татарстан интегрирована в международную политику России по ряду направлений: как центр сохранения татарско-исламской культуры, нефтедобывающий, туристический регион, производитель автомашин и вертолетов и т.д. [1, с. 5]. Основываясь на этом, мы можем сказать, что населению Республики необходимо быть высокообразованным и осведомленным, знать и понимать ценности туристического потока. И так как для большей части населения родным является татарский язык, необходимо развивать образовательные ресурсы и обеспечивать население необходимой художественной литературой для воспитания молодого поколения. Переводы англо-американских художественных произведений на татарский язык в данном случае будут играть особую роль в воспитании чуткости и ответственности по отношению к представителям иной культуры и иного быта.

Основываясь на вышесказанном, мы отмечаем важность изучения существующих переводов англо-американских художественных произведений на татарский язык. И так как художественная проза представляет собой не только информативный текст, а комплексную структуру, состоящую из фактологического материала, переживаний автора и героев произведения, из основной идеи и посыла читателям, могут возникнуть определенные трудности, связанные с необходимостью комплексного подхода к анализу. В основном сложность и в то же время оригинальность художественного текста представлена модальностью, которая охватывает все слои языка и проявляет себя как функционально-семантическая категория. Трансформация модальных отношений в рамках неродственных (таких, как английский и татарский) языков очень часто усугубляется многообразием средств и форм передачи реальной, ирреальной и императивной модальности. За проявление модальности в художественном тексте могут отвечать как отдельные слова, так и фразы, предложения, контекст, грамматические и стилистические элементы языка, пунктуация и интонация и т.д. Все это создает дополнительные сложности и выносит художественный текст за рамки шаблонного перевода [4, с. 258-259].

Учитывая все сказанное выше, мы делаем вывод, что изучение категории модальности в рамках переводного материала англо-американских авторов на татарский язык позволяет создать хоть и не универсальную, но все же систему передачи модальных отношений при трансформации текста. Как мы утверждали ранее, модальность является многогранной структурой, и рассмотреть все возможные формы проявления экспрессии художественного текста в рамках одной статьи представляется невозможным. При этом необходимо отметить, что основными лексическими элементами передачи модальности в английском языке выступают вспомогательные глаголы.

Модальные отношения также могут проявлять и основные глаголы, имена существительные, имена прилагательные и причастия. В совокупности они могут указывать на возможность и невозможность, реальность и ирреальность, объективность или субъективность, императив или суггестив, а также описывать предположение, желание, привычки, предпочтения, возможность-невозможность, разрешение, необходимость, дедукцию, обязательства, совет и т.д. Мы подробнее остановимся на лексических средствах, точнее на так называемых «истинно модальных» глаголах, так как охватить весь спектр лексических элементов, выражающих модальные отношения, в рамках одной статьи представляется невозможным.

При изучении английского языка мы можем условно выделить основную группу вспомогательных глаголов, которые чаще других употребляются для выражения модальных отношений языка. «Истинно модальными» мы можем назвать такие глаголы, как *can, may, must, will/shall*, а также их видовременные формы *could, might, would/should*. К модальным глаголам мы также относим такие глаголы, как *have to, be to, be able to, ought to, need / need to*. Модальные отношения в английском языке могут раскрывать и фразовые глаголы, состоящие из слов с модальным значением: *be obliged to, be supposed to, be expected to, be allowed to* и т.д. Непременно, при таком обширном подходе к вопросу модальности мы несколько усложняем задачу структуризации модальных глаголов, но тем самым приближаем свое исследование к работам зарубежных лингвистов, которые часто рассматривают модальность в широком понимании данного явления.

Будучи модальным глаголом, *can* выражает физическую возможность (или же возможность в целом) выполнения какого-либо действия. “*For you are a man that can understand*” [9, с. 122]. / «*Сез мине аңларлык кеше*» [10, 130 б.]. / «*Вы человек, способный понять меня*» [8, с. 219]. При переводе на татарский язык форма *can* в данном случае передается при помощи флексий *-ap*, указывающей на предположение в будущем, и *-лык*, обозначающей возможность выполнения действия (*аңларлык*). Перевод на татарский язык был бы возможен и как: «*Сез мине аңлы ала торган кеше*» или «*Сез мине аңлы аласыз*» (перевод автора статьи. – Н. М.).

В вариантах альтернативного перевода использованы и синтетические, и аналитические формы выражения модальных отношений. Глагол *can* также используется для описания мыслительной деятельности или чувственного восприятия. “*I can quite understand that,*» said the visitor” [9, с. 12]. / «*Ғажған түгел, – диде кунак*» [10, б. 9]. / «*Это неудивительно, – сказал приезжий*» [8, с. 113]. Предложенный перевод в данном случае является интересным примером подбора подходящих по смыслу конструкций. Так, например, в татарском варианте мы не видим перевод самого модального глагола *can*. Здесь переведена сама идея, заключенная в предложении. Конечно, надо понимать, что переводчик на татарский язык переводил с русской версии. При прямом переводе были бы возможны такие варианты, как: «*Мин моны аңлы алам*», – диде кунак (*килгән кеше*); «*Моны аңлап була*», – диде кунак» и т.д. (перевод автора статьи. – Н. М.).

В вопросительной форме глагол *could* используется для выражения просьбы, одобрения какого-либо действия. “*Can I take your hat and coat, sir,*» she said, «and give them a good dry in the kitchen?»” [9, с. 11]. / «*Пальто белән эшләпәгезне бирегез, әфәндем, – дип дәште ул, – кухняга илттеп кибәргә элим*» [10, б. 6]. / «*Позвольте, мистер, ваше пальто и шляпу, – обратилась она к нему, – я отнесу их на кухню и повешу сушить*» [8, с. 110]. Просьба при переводе на татарский язык выражается при помощи вежливой формы (*-гыз, -гез*) императивного глагола *бирегез*. Как альтернативный вариант перевода на татарский язык можно было бы предложить форму «*Пальто белән эшләпәгезне кибәргә куйыйм, әфәнде, – дип дәште ул*» (перевод автора статьи. – Н. М.), где просьбу выразила бы форма 1 лица будущего времени на *-ыйм, -им (куйыйм)*. Прошедшая форма глагола *could* используется для выражения возможности в прошлом или же для вежливой просьбы. “*Instead of lying still in the recumbent attitude to which he had consigned himself, he could be seen shifting from side to side, as if some feverish thought was keeping him awake*” [17, р. 34]. Перевод на татарский язык основывается на передаче главной идеи предложения, где английская форма *could* переводится не при помощи лексических единиц, а при помощи сочетания глаголов, где первый глагол *әйләнгәлән* указывает на неоднократность, глагол *ята* – на продолжительность и протекание в момент речи и глагол *иде* – на то, что рассказчик непосредственно наблюдал действие. И все в сочетании передает значение английского модального глагола *could*. «*Тик шулай да берзандан карт аучының йокламаганлыгы беленде. Хиндидер тыңгысыз бер уй йокысын качырган кебек, ул борсаланып як-ягына әйләнгәлән ята иде*» [5, б. 44]. Русский перевод звучит следующим образом: «*При этих словах охотник еще раз завернулся в одеяло и снова лег. Однако уснуть ему не удалось: он ерзал, ворочался с боку на бок; наконец опять сел и заговорил сам с собой*» [6, с. 28].

При выражении просьбы форма *could* обычно используется в настоящем времени и может быть заменена формой *can* без информационных потерь. *Could* в данном случае является всего лишь более вежливой формой обращения к собеседнику и может также переводиться при помощи модальных слов татарского языка *мөмкинме, ярыймы* и т.д. “*That's splendid,*» I said. “*Could you give me the name?*” [15, р. 315]. / «*Бик яхшы, – дидем мин. – Аның адресын алырга мөмкинме соң?*» (перевод автора статьи. – Н. М.). / «*Очень приятно, – сказала я. – Нельзя ли получить у вас адрес?*» [12, с. 411].

Модальный глагол *may* является более мягким по отношению к глаголу *can* и обычно выражает возможность выполнения какого-либо действия, основываясь на полученном разрешении. “*They may come here,*» she said again and again” [19, р. 127]. Модальный глагол *may* на татарский язык может переводиться при помощи модальных слов *мөмкин, мөгаен* и частиц *ич, бит* и др. для усиления высказанной идеи: «*Аларның монда килүләре дә мөмкин ич, – дип кабатлады ул*» [11, б. 27]. / «*Они могут прийти сюда, – повторяла она*» [8, с. 266]. Иногда *may* может употребляться в формальной речи для описания правил и законов: “*You may come and see her after seven o'clock if you wish*” [15, р. 174]. В данном случае для перевода модального глагола на татарский язык более выигрышно использовать форму настоящего времени на *-а, -ә* с добавлением глагола *ала*. Глагол *ала* дополнительно указывает на возможность выполнения действия: «*Аны күрәсегез килсә, сәгать эңдәдән соң керә аласыз*» (перевод автора статьи. – Н. М.). / «*Если хотите повидать ее, можете зайти после семи часов*» [13, б. 217].

Форма *might* обычно используется в прошедшем времени, а также для получения разрешения на выполнение какого-либо действия, и при описании правил не используется. “*One night he went to the theatre, on the blind chance that he might see her there, and from the second balcony he did see her*” [16, р. 46]. / «*Руфьны күреп булмасмы дигән тыңгысыз теләк белән бервакыт Мартин театрга китте, һәм икенче катның балконыннан ул чыннан да аны күрде*» [2, б. 45]. / «*Как-то вечером он наудачу пошел в театр – вдруг она тоже там – и действительно углядел ее с галерки*» [3, с. 44].

Модальный глагол *must* в английском языке является одним из самых сильных глаголов, раскрывающих модальные отношения долженствования, и обычно используется для описания правил и законов. Обязанности, наложенные при помощи глагола *must*, требуют неукоснительного выполнения и в случае невыполнения сопровождаются наказанием. “*Thou must make no threats against thy mates, lad; and thou must guard thy tongue from saying evil of them elsewhere*” [18]. При переводе на татарский язык для сохранения строгости речи используется сочетание повелительного глагола *түгел*, который обозначает отрицание, со словом *тиеш*, указывающим на обязательность, неукоснительность. «*Егет, син аларны берни дип тә куркытырга тиеш түгел; һәм кайда гына булсаң да, алар турында начар сүзләр сөйләүдән тыелып тор*» [7, б. 63]. Готовый перевод на русский язык в данном случае отсутствует, так как многие произведения были сокращены в процессе перевода. Иное использование глагола *must* связано с внутренней мотивацией и направлено на самого говорящего. “*I must stop him!*» exclaimed Maurice, «or the mares will run on till the end of daylight” [17, р. 67]. В данном случае эквивалентом модального глагола *must* переводчик определяет сочетание инфинитива с модальным словом, выражающим долженствование, – *кирәк*. «*Туктатырга кирәк аны, югысә,*

мустангларны төн эжиткәнче куачак ул! – дип кычкырды Морис» [5, б. 81]. / «Надо остановить его, – воскликнул Морис, – иначе он будет гнаться за мустангами до самой ночи!» [6, с. 48]. В таком качестве глагол используется для подбадривания, приобретения внутренней твердости. Относительно прошедшего времени глагола *must* можно сказать, что обычно, ссылаясь на прошлое, мы на его месте используем глагол *have to* в форме *had to*. “I explained hastily that I had to leave my home, and so secured the dog cart” [19, p. 194]. И в данном примере переводом модального значения глагола *must* служит форма инфинитива в сочетании с модальным глаголом *күрәк*. «Ашыгыч төстә өйдән чыгып китәргә кирәклеген аңлаттым, шулай итеп ике көпчәкле арбаны кулга төшердем» [11, б. 36]. / «Я торопливо объяснил, что вынужден уехать из дому, и нанял, таким образом, двуколку» [8, с. 274]. Хотя данный глагол практически полностью выполняет функции глагола *must*, надо признать, что форма *had to* не является формой прошедшего времени, а альтернативой, так как в речи носителей языка в прошедшем времени очень часто сохраняется сам глагол *must*. “He could hardly follow her outlining of the work he *must* do, so amazed was he by her delightful propinquity” [16, p. 59]. Пример перевода произведения на татарский язык показывает, что иногда модальные глаголы могут и не переводиться: «Кызың беркайчан да аңа болай үзе ирешерлек якын булганы юк иде» [2, б. 59]. При этом мы видим перенос модальных значений на русский вариант текста: «И так он был поражен волнующей близостью Руфи, что едва ли воспринимал план будущих занятий, который она ему рисовала» [3, с. 58].

Модальные формы *will* и *shall* используются для предсказания или предвидения какой-либо ожидаемой ситуации, ожидаемого явления или действия. “I will be the man. I will make myself the man. I will make good” [16, p. 87]. Глаголы *will* и *shall* на татарский язык обычно переводятся при помощи категорического будущего времени на *-ачак-*, *-ячак-*, которое в татарской речи указывает на внутренний порыв, стремление к выполнению действия, создание внутреннего мотива: «Мин бәхеткә тиенәчәкмен, – дип пышылдады ул ярсып. – Мин бәхетле булачакмын! Була алачакмын! Мин бәхеткә тиенәчәкмен!» [2, б. 92]. / «Я добьюсь, чтоб она выбрала меня. Добьюсь» [3, с. 87]. При этом они могут выражать просто догадку или же предсказание, основанное на опыте говорящего, на его настоящих переживаниях. В вопросительных формах данные глаголы используются для выражения предложения к выполнению действия или же для выражения просьбы. Прошедшие формы *would/should* используются аналогично, создавая при этом более мягкие конструкции касательно предсказаний и просьбы. Они более гипотетичны, чем формы *will* и *shall*. “She would talk, a warm human being, in her quick, bright way, and, most important of all, she would catch glimpses of the real Martin Eden” [16, p. 104]. Татарский вариант форм *would/should* также строится на будущем категорическом времени, который направлен не на самого говорящего, а на другое лицо. В данном случае будущее категорическое время обозначает надежду: «Ул үз фикерен чын сүзләр белән кешечә айтәчәк, барыннан да мөһимрәге шунда, ул чын Мартин Иденны аңлаячак» [2, б. 110]. / «Она живой человек, она поговорит с ним как всегда умно, все схватывая на лету, и что всего важнее, – ей приоткроется подлинный Мартин Иден» [3, с. 104]. Очень часто модальные глаголы *would/should* указывают на гипотетичность действия и используются в предложениях с сослагательным наклонением: “What would you like to have now, right now, if you could get it?” [16, p. 179]. В данном случае переводчик обыгрывает ситуацию, применив вместо модального глагола лексический элемент *теләк* – татарское слово, которое обозначает желание: «Менә хәзер синең иң зур теләгең нәрсә?» [2, б. 190]. / «Что бы тебе хотелось иметь прямо сейчас, сию минуту, если б было можно?» [3, с. 179].

При переводе англо-американских художественных произведений на татарский язык очень важно сохранять модальные отношения оригинального текста. При этом переводчик может оперировать как грамматическими, так и лексическими элементами языка или описывать модальность сочетанием различных языковых конструкций, сохраняя при этом атмосферу и аутентичность оригинального произведения.

Список источников

1. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 167 с.
2. Лондон Д. Мартин Иден / тәржемәсе Ф. Миңнуллин. Казан: Таткитнәш, 1982. 376 б.
3. Лондон Д. Мартин Иден. Люди бездны / пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 527 с.
4. Муллагалиев Н. К. Лексико-семантические средства выражения модальности в художественных произведениях Гарриет Бичер Стоу и их переводы на татарский язык // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 7: в 2-х ч. Ч. 2. С. 258-263.
5. Рид М. Башсыз жайдак: роман / тәржемәсе Яхъя Халитов. Казан: Таткитнәш, 1971. 443 б.
6. Рид Т. М. Квартеронка, или Приключения на Дальнем Западе. Всадник без головы / ред. С. С. Аверинцев и др.; пер. с англ. В. Курелла и др.; вступ. ст. А. Я. Ливерганта. М.: Пушкинская библиотека; АСТ, 2004. 781 с.
7. Твен М. Принц һәм теләнче / тәржемәсе Р. Гайнанов. Казан: Татгосиздат, 1954. 199 б.
8. Уэллс Г. Д. Машина времени. Человек-невидимка. Война миров. Рассказы / пер. с англ.; вступ. ст. В. Л. Гопмана. М.: Пушкинская библиотека; АСТ, 2002. 607 с.
9. Уэллс Г. Дж. Человек-невидимка / авт. предисл. на рус. яз. Я. Засурской. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. 190 с.
10. Уэллс Г. Күренмәс кеше. Казан: Таткитнәш, 1979. 160 б.
11. Уэльс Г. Галәмнәр сугышы. Күренмәс кеше: фантастик романнар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. 296 б.
12. Хемингуэй Э. Прощай оружие. По ком звонит колокол. Старик и море. Фрунзе: Кыргызстан, 1987. 813 с.
13. Хемингуэй Э. Сайланма әсәрләр / тәржемәсе Р. Даутов һәм Я. Шәмсетдинов. Казан: Таткитнәш, 1971. 326 б.
14. Языковая политика в Республике Татарстан: политико-правовое регулирование / сост. Т. Ф. Акчурин, Г. Г. Валеева, Е. Б. Султанов. Казань: Магариф, 2006. 327 с.
15. Hemingway E. A farewell to arms: a novel. М.: Менеджер, 2004. 333 p.
16. London J. Martin Eden. М.: Foreign Languages Publishing House, 1953. 440 p.

17. Reid M. The Headless Horseman. A Strange Tale of Texas. L. – Glasgow – N. Y.: Published by George Routledge and Sons, 1888. 417 p.
18. Twain M. The prince and the pauper [Электронный ресурс]. URL: http://www.pagebypagebooks.com/Mark_Twain/The_Prince_and_the_Pauper/index.html (дата обращения: 21.12.2017).
19. Wells H. The War of the Worlds. СПб.: ХИМЕРА, 2001. 224 p.

**THE PECULIARITIES OF RENDERING THE MODAL VERBS CAN, MAY, MUST, WILL/SHALL
WHEN TRANSLATING THE ANGLO-AMERICAN WORKS OF FICTION INTO THE TATAR LANGUAGE**

Mullagaliev Narkiz Kamilevich, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
narkizmoullagaliev@mail.ru

The article examines the peculiarities of preserving the modal meanings of the verbs *can, may, must, will/shall* when translating the Anglo-American works of fiction into the Tatar language. This takes into account the main tendencies of the translation of modal verbs within the framework of existing translations and suggests alternative ways of transforming modal meanings using lexical, morphological, grammatical and stylistic compositions of the Tatar language. In the process of transition from the original language to Tatar, cultural-moral, ethnic and regional fundamentals of literary translation are taken into account. Thus, the study relies not only on factual material, but it also involves the use of comparative linguistics, typology, theory and practice of translation, and cultural studies. An extensive view on the notion “modality” and the use of non-ordinary methods of analyzing the work of fiction make it possible to go beyond the established definitions and expand the field of the modality of the literary text. The work also marks the problem of literary translation from English into Tatar and determines the ways of further research development.

Key words and phrases: linguistics; comparative linguistics; modal words; *can; may; must; will; shall;* theory and practice of translation; the Tatar language.

УДК 811; 111-26

Статья посвящена выявлению английских языковых единиц, отражающих национальный уклад жизни японского общества, жизненные ценности гейши; анализу трансформаций лексических единиц японского языка при передаче в английском дискурсе, гендерно детерминированных лексических единиц и грамматических конструкций английского языка, характерных для речи представителей японской этнической группы. В статье рассматриваются столкновение картин мира представителей западных и восточных стран, лингвистическая репрезентация культурных разногласий.

Ключевые слова и фразы: восточная картина мира; японская культура; западная культура; языковая репрезентация; этнические особенности; гендер; гейша.

Мухаметова Анна Ильясовна

*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
ainenacht@yandex.ru*

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ГЕЙШИ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ МИНЕКО ИВАСАКИ «ГЕЙША ИЗ РАЙОНА ГИОН»**

В настоящее время наблюдается повышенный интерес Востока и Запада к взаимодействию друг с другом, что, в свою очередь, приводит к увеличению интереса научного сообщества к контактной литературе, написанной на этнически неродном языке. Для более эффективной межкультурной коммуникации необходимо глубоко исследовать картину мира той или иной страны, ее традиции и обычаи, которые неизбежно фиксируются и закрепляются в языке. Тема данной статьи является актуальной, поскольку в ней рассматривается языковая репрезентация национальной японской реалии «гейша» посредством английского языка. Автором исследуются лексические и грамматические языковые средства, отражающие этническую и гендерную принадлежность гейши.

Страны Востока и Запада изначально развивались по-разному, исторически складывались абсолютно несхожие моральные и материальные ценности, взгляды на те или иные ситуации, что отчетливо прослеживается и в сфере языка. Любое различие в жизневосприятии неизбежно находит свое отражение в речи. Простой пример, встречающийся много раз в повседневной жизни, – выражение благодарности. Английское слово *thanks* переводится как «благодарю», тогда как японское «аригато» в дословном переводе на русский означает «вы ставите меня в трудное положение» [2, с. 140]. Этот простой пример наилучшим образом демонстрирует глубину японской ментальности на фоне западной однозначности.

В данной статье рассматривается одно из самых противоречивых явлений Японии, интересующих исследователей по сей день, – загадочный образ гейши. Самый распространенный быденный стереотип, связанный с этим термином во всем мире, и в частности в англоязычных странах, характеризует гейшу как девушку легкого поведения [3]. Это обязательно прекрасная девушка с белым лицом, в красивом кимоно и с сямисеном (национальный музыкальный инструмент) в руках [6]. Стоит начать с того, что на самом деле первыми